КОНФЕРЕНЦИЯ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ
УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕЗОЛЮЦИЯ

о ситуации в сфере уголовного судопроизводства

05 июня 2015 года г.Ижевск

Конференция Адвокатской палаты Удмуртской Республики, выступая от имени адвокатского сообщества региона, вынуждена констатировать, что институт уголовного судопроизводства в Удмуртии продолжает деградировать.

При этом не вызывает сомнения, что ситуация в Удмуртии в целом аналогична катастрофическому положению судебной системы России.

Масштабность и системность нарушений органами судебной власти конституционных принципов судопроизводства, прав и свобод человека и гражданина не только заставляют усомниться в способности судов, в их существующем качестве, осуществлять правосудие на основе принципов законности, состязательности и равноправия сторон, но и вполне достаточны для вывода о том, что сложившаяся практика судопроизводства является фактором, дискредитирующим государственную власть и провоцирующим социальное напряжение в обществе.

Степень недоверия граждан к судам достигла предельно критического уровня, за которым могут возникнуть сомнения в легитимности существующей в России судебной системы.

Причина катастрофического положения коренится, прежде всего, в повсеместно сложившейся практике отказа судов, особенно апелляционной и кассационной инстанций, воспринимать какие бы то ни было доводы и аргументы участников уголовного судопроизводства со стороны защиты.

При этом вопрос заключается вовсе не в том, что суды не соглашаются с теми или иными доводами обвиняемых и их защитников, приводя в обоснование своей позиции соответствующие аргументы, а в том, что доводы стороны защиты в судебных решениях просто игнорируются. На сложившуюся противозаконную судебную практику никоим образом не повлияли неоднократно высказанные Конституционным Судом Российской Федерации суждения о недопустимости игнорирования доводов участников уголовного судопроизводства. Что касается разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, касающихся необходимости надлежащего обоснования и мотивированности судебных актов, то они, как представляется, призваны лишь закамуфлировать сложившееся нетерпимое положение.

Полагаем, что ухудшение положения прямо связано с введением в УПК РФ института апелляционного обжалования судебных решений и соответствующего изменения оснований их кассационного обжалования.

Так, апелляционная процедура, на практике, свелась к дублированию существовавшей до ее введения процедуры кассационного производства. При этом декларируемая по закону проверка доказательств, получивших оценку суда

первой инстанции, исследование доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции, как правило, судами апелляционной инстанции не проводятся. Причем, подобное происходит вопреки позиции стороны защиты, которая, в силу требований закона, является для суда обязательной (в части доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции). Рассмотрение дел в судах апелляционной инстанции носит предельно формальный характер и, по сути, «поставлено на конвейер».

Изменившийся порядок производства в суде кассационной инстанции (даже в редком случае успешного преодоления препятствий по инициированию кассационного судопроизводства) исключает возможность оценки соответствия выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела.

Фактически можно утверждать, что с изменением УПК РФ институт проверки судебных решений «захлопнулся» на уровне регионов, что привело к резкому падению уровня их законности, обоснованности и мотивированности.

При таких обстоятельствах, принятое судом первой инстанции судебное решение, с точки зрения проверки соответствия выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела, обретает, по складывающейся правоприменительной практике, свойство окончательного.

Изложенное свидетельствует о том, что в российской системе уголовного судопроизводства фактически нарушается предусмотренное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод право осужденного на пересмотр вынесенного в отношении него приговора вышестоящей судебной инстанцией.

Ориентированная на достижение стабильности принимаемых судебных актов, предельно забюрократизированная и закрытая для критики судебная система регионов превратилась в «вещь в себе», а сама идея правосудия, имеющая своим назначением защиту прав и интересов граждан, в том числе от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод граждан, оказалась дискредитированной. Общеизвестно, что стали обыденностью предварительное согласование принимаемых судами решений в вышестоящем суде, и даже прямые указания вышестоящего суда в отношении существа решений, постанавливаемых судами первой инстанции. Вынесение оправдательных приговоров приравниваются к чрезвычайному происшествию, а перспектива их отмены вышестоящим судом на порядки превосходит вероятность отмены обвинительного приговора. При такой ситуации говорить о подлинной независимости судей невозможно.

Практическое правоприменение выявило целый комплекс острейших проблем, касающихся реализации норм УПК РФ, связанных с особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и, особенно, с особым порядком принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Указанные институты используются в правоприменительной практике принудительно, под угрозой назначения к отказавшимся в сотрудничестве лицам максимально жестких наказаний, продления на длительные сроки меры пресечения в виде содержания под стражей, инициирования уголовного преследования по новым фактам и составам, а в некоторых случаях – под воздействием пыток.

Целью подобных действий являются не только соображения скорейшего и бесспорного завершения процедур уголовного судопроизводства, но и, как правило, обеспечение «доказательственной базы» в отношении тех соучастников предполагаемого преступления, которые «на сотрудничество» не пошли. В последнем случае лица, осужденные по процедуре особого порядка принятия судебного решения, допрашиваются в «основном» судебном заседании в качестве свидетелей, где они вынуждены давать в отношении не согласившихся на «сотрудничество» подсудимых обвинительные показания, полностью соответствующие фабуле постановленного в отношении них приговора. При этом любое отклонение подобных «свидетелей» от показаний, соответствующих фабуле постановленных в отношении них приговоров, может, по действующему закону, повлечь его автоматическую отмену и пересмотр в сторону ужесточения. Это, по сути, исключает саму возможность дачи подобными «свидетелями» свободных, не детерминированных обвинительной версией показаний. Подобное положение противоречит базовым принципам уголовного судопроизводства.

Применению особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве по «групповым делам» соответствует необходимость выделения из «основного дела» уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Согласно требованиям закона, выделение дела допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела. Эти требования закона в правоприменительной практике нарушаются повсеместно. Так, представляется очевидным, что выделение уголовного дела в отдельное производство в случаях соучастия в преступлении нескольких лиц (как правило, выделяются дела в отношении исполнителей преступления, а в «основном» деле остается фигура организатора) не может не повлиять на всесторонность и объективность расследования и разрешения дела.

Чрезвычайно острой остается проблема нарушениями судами действующего уголовного-процессуального законодательства при допросах «засекреченных свидетелей». Так, в частности, при отсутствии реальных поводов и оснований для засекречивания свидетеля на этапе предварительного расследования и отсутствии каких бы то ни было разумных оснований для его допроса в этом статусе в судебном заседании, суды по надуманным основаниям либо немотивированно отказывают в удовлетворении ходатайств стороны защиты о рассекречивании подлинных сведений о лице, дающем показания.

Как показывает практика, засекречивание данных свидетеля по обыкновению производится для того, чтобы создать стороне защиты существенные затруднения при проверке правдивости показаний такого свидетеля, установлении действительных причин их дачи, возможного оспаривания и приведения аргументов в их опровержение, а также направлено на сокрытие данных, свидетельствующих о возможной фальсификации доказательств по делу. Имеются основания полагать, что под «засекреченным свидетелем» при его допросе в суде зачастую скрывается лицо, являющееся штатным негласным сотрудником органов, осуществляющих оперативно-

розыскную деятельность. При таких обстоятельствах можно говорить о прямой фальсификации доказательств.

До настоящего времени не только не разрешена, но и становится все более острой проблема едва ли не повсеместного нарушения требований уголовно-процессуального законодательства при избрании в отношении обвиняемых (подозреваемых) меры пресечения в виде заключения под стражу. Факт открытого и повсеместного игнорирования судами соответствующих руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ заставляет заподозрить, что дача подобных разъяснений изначально не преследует цель их реального исполнения.

Все более нетерпимым становится положение, обусловленное едва ли не систематической фальсификацией судами протоколов судебного заседания и невозможностью, по действующему закону, обжалования постановления судьи по итогам рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания. Эта острейшая проблема могла бы быть, хотя бы частично, разрешена при условии выполнения судами разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым суды, при наличии технической возможности, должны осуществлять фиксацию хода судебного разбирательства с использованием средств аудиозаписи и иных технических средств с приобщением материалов фиксации к делу; к материалам уголовного дела могут быть приобщены материалы аудиофиксации, полученные участниками процесса. Между тем, на практике, официальное аудиопротоколирование судами не производится, а ходатайства стороны защиты о ведении аудиопротокола, либо приобщении к материалам дела полученных защитой материалов отклоняются по надуманным основаниям, в том числе со ссылкой на то обстоятельство, что не имеется оснований не доверять секретарю судебного заседания, либо со ссылкой на отсутствие технических возможностей аудипротоколирования (хотя общеизвестно, что суды соответствующими техническими средствами обеспечены).

Представляется, что проблема должна быть разрешена путем введения в закон нормы об обязательном ведении судом аудиопротокола судебного заседания, который должен прилагаться к материалам дела, а также введения нормы, предусматривающей возможность апелляционного обжалования постановления судьи по итогам рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания.

Конференция адвокатов Удмуртской Республики обращается к законодательным и исполнительным органам государственной власти Российской Федерации, межгосударственным органам по защите прав и свобод человека с призывом предпринять все зависящие от них меры к неотложному исправлению кризисной ситуации в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации.